

КОНСЕРВАТИВНЫЕ ИДЕОЛОГИИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: КОНЦЕПЦИИ, ТЕНДЕНЦИИ И ПРИМЕНЕНИЕ В ГОСУДАРСТВЕННОМ УПРАВЛЕНИИ

Гурушкин П. Ю.

кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры менеджмента массовых коммуникаций,
Санкт-Петербургский государственный университет (Россия), 198255, Россия, Санкт-Петербург, Дачный пр. д.13, к.19,
gurupavel@ya.ru

Кетов А. Р.

кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры конфликтологии, Санкт-Петербургский гуманитарный
университет профсоюзов (Россия), 195297, Россия, Санкт-Петербург, Светлановский пр., д. 111, к. 83, ketov84@mail.ru

УДК 316.75.:32

ББК 66.052

Цель исследования. Выявить особенности и ключевые факторы воздействия идеологии консерватизма на изменение политической системы современной России.

Методы исследования. В статье изучаются виды современного российского консерватизма, проблемы формирования российской государственной идеологии с помощью метода исторического анализа и кросс-темпорального метода исследования.

Результаты. Современная политическая реальность, которая напрямую связана с так называемым «переходным» состоянием, диктует новые условия интерпретации идеологических концепций. Кроме того, авторы пришли к выводу о том, что на данном этапе существует тенденция к деидеологизации и смешению идеологических доктрин политической системы современной России.

Научная новизна. Выявлены основные причины трансформации идеологии консерватизма в постсоветской России. Также впервые была рассмотрена специфика влияния «цветных революций» на консервативных идеологов, этатизм и евразийство как две основы современного российского консерватизма.

Ключевые слова: идеология, консерватизм, евразийство, идеократия, политический режим.

CONSERVATIVE IDEOLOGIES IN THE POLITICAL SYSTEM OF MODERN RUSSIA: CONCEPTS, TRENDS AND APPLICATION IN PUBLIC ADMINISTRATION

Gurushkin P. Yu.

Candidate of Political Science, senior lecturer of Mass Communication Management Department, St. Petersburg State University (Russia), fl.19–13, Dachnyi pr., St. Petersburg, Russia, 198255, gurupavel@ya.ru

Ketov A. R.

Candidate of Political Science, senior lecturer of Conflict Studies Department, St. Petersburg University of Humanities and Social Sciences (Russia), fl.83–111, Svetlanovskiy pr., St. Petersburg, Russia, 195297, ketov84@mail.ru

Purpose of research. To identify specifics and key impacts of the conservatism ideology on the political system change in modern Russia.

Research methods. The article studies modern types of Russian conservatism, problems of the Russian state ideology formation through the method of historical analysis and cross-temporal research method.

Results. The current political reality, which is directly linked to the so-called “transitional” state, dictates new conditions of the ideological concepts interpretation. Additionally, the authors came to the conclusion that at this stage there is a trend towards de-ideologization and confusion of ideological doctrines of the political system of modern Russia.

Scientific novelty. The main causes of the conservatism ideology transformation in the post-Soviet Russia are identified. Also, the authors are the first to consider the specifics of the “color revolutions” influence on conservative ideologues, etatism and Eurasianism as the two foundations of the modern Russian conservatism.

Key words: ideology, conservatism, Eurasianism, ideocracy, political regime.

В современной России, несмотря на относительно стабильную политическую обстановку в последние пятнадцать лет, продолжает остро стоять проблема поиска национальной идеи, и идеологии, которую способно было бы разделить большинство членов российского общества. Вопрос о необходимости такой идеологии является на данный момент дискуссионным, соответственно, в рамках политической науки необходимо разрабатывать новые подходы к изучению российских политических идеологий, их становления и применения в политической практике. Целью данного исследования является выявление особенностей и основных факторов воздействия идеологии консерватизма на современную российскую политическую систему, определение степени влияния российских консервативных идеологов на политическую практику власти. В качестве гипотезы исследования можно выдвинуть предположение о том, что в постсоветской России складывается единая консервативная идеология, некоторые элементы которой заимствуются из советского дискурса, а основанием данной идеологии служат евразийство и этатизм. Вместе с тем, российская власть не принимает данную идеологию в качестве официальной, на практике стремясь следовать прагматическим установкам.

Консервативные идеологии, развивающиеся в постсоветской России, часто оказываются тесно связанными с советской историей и идеологией. В девяностые годы двадцатого века в оппозиции режиму Б. Н. Ельцина находились политические силы, за которыми закрепилось политическое клише «красно-коричневые» [21]. Так стали называть тех, кто выступал против существовавшей власти, в частности, её либерального курса, как с правых, так и с левых позиций. Следует отметить значительную идеологическую разнородность «красно-коричневых», тем не менее, можно определить их ядро, состоявшее из сторонников сильной государственной власти. Среди идеологов, которых можно причислить к ядру «красно-коричневых», выделяются фигуры С. Г. Кара-Мурзы, В. В. Кожина, А. Г. Дугина, А. А. Проханова. Общим элементом их взглядов является этатизм, наиболее выраженный в концепции «пятой империи» [20], выдвинутой А. А. Прохановым. Данная концепция обосновывает проект создания

государства – преемника имперских традиций Киевской Руси, Московского царства, Российской империи и СССР, которое должно возникнуть в ходе эволюции политической системы современной России.

После прихода к власти В. В. Путина, частично вернувшего риторику власти, касающуюся возрождения сильного государства [18], представители ядра «красно-коричневых» отошли от оппозиции. Несмотря на критику либерального компонента политического курса современного руководства России, они стали поддерживать власть в её стремлении укреплять актуальный политический режим. Катализатором перехода к поддержке существующей власти стали «цветные революции» на постсоветском пространстве, в которых идеологи красно-коричневых увидели угрозу национальной безопасности из-за появления недружественных России режимов в ближнем зарубежье, опасность окончательной утраты государственного суверенитета при реализации подобного сценария в РФ [13, с. 36], гибели самостоятельной российской цивилизации [22]. Таким образом, данные силы проявляют себя как консерваторы, использующие, однако, элементы советской идеологии, которая может ассоциироваться с левыми политическими движениями, для конструирования своего дискурса.

Марксистское понимание идеологии выражается следующим образом: «Даже туманные образования в мозгу людей, и те являются необходимыми продуктами, своего рода испарениями их материального жизненного процесса, который может быть установлен эмпирически и который связан с материальными предпосылками. Таким образом, мораль, религия, метафизика и прочие виды идеологии и соответствующие им формы сознания утрачивают видимость самостоятельности. У них нет истории, у них нет развития: люди, развивающие своё материальное производство и своё материальное общение, изменяют вместе с этой своей действительностью также своё мышление и продукты своего мышления. Не сознание определяет жизнь, а жизнь определяет сознание» [16, с. 14]. К. Маркс и Ф. Энгельс критически относились к идеологии, считая её ложным сознанием, опорой существующих отношений в обществе, подразумевающих неравенство и эксплуатацию.

В дальнейшем Т. Иглтон так определяет марксистскую трактовку идеологии: «Идеология это, в первую очередь, не набор доктрин; идеология обозначает то, как люди проживают свои роли в классовом обществе; ценности, идеи и образы, которые привязывают их к социальным функциям и, таким образом, препятствуют их пониманию общества как единства» [4, с. 28]. Данное определение можно использовать при рассмотрении современного российского консерватизма и выделить в нём три основных направления: «советское», «имперское» и «евразийское». Идея «пятой империи» объединяет данные направления, так как их представители склонны идеализировать определённый период в истории российской государственности: советские консерваторы – СССР, имперские консерваторы – дореволюционную Россию. Знаменательно, что Евразийский Союз в концепции А. А. Проханова выступает прообразом «пятой империи», то есть евразийство может использоваться как стержневая идеология для построения нового государства [5].

Имперские консерваторы позиционируют себя как преемники консерваторов Российской империи, в частности, «черносотенцев», и достаточно критически относятся к советскому периоду российской истории. Среди авторов данного направления можно выделить В. В. Кожина. Советские консерваторы определяют СССР как апогей развития особой цивилизации, существующей на просторах Евразии. Одним из наиболее значительных авторов, которых можно отнести к советскому консерватизму, является С. Г. Кара-Мурза. Советский консерватизм отличает положительное отношение к СССР и советской идеологии, особенно подчёркивается необходимость преодоления негативных для «советской цивилизации» сторон марксизма, которое произошло в период сталинизма. Как непосредственные наследники евразийцев первой половины двадцатого века позиционируют себя евразийские консерваторы. Одним из крупнейших идеологов евразийского консерватизма, или евразийства, является А. Г. Дугин.

Советские консерваторы, хотя и ориентируются на СССР, осуждают левые элементы в советской идеологии, и подчёркивают правые, особенно ярко проявившиеся в период сталинизма. Их характеризуют цивилизационный подход и выделение исключительной роли государства в истории России, крайний этатизм, характерный и для других направлений в современном российском консерватизме. Так, все негативные стороны советского строя увязываются с левыми, революционными тенденциями, подрывающими традиционные ценности, концентрированным выражением данных тенденций служит в советском консерватизме своеобразно понимаемый консерваторами «троцкизм» [12, с. 310]. «Сталинизму» в трактовке консерваторов приписывается положительная роль силы,

остановившей распад традиционного общества и создавшей советскую цивилизацию, которая для представителей советского консерватизма является неизбежным и выдающимся этапом в развитии российской цивилизации, в корне отличной от остальных цивилизаций. С. Г. Кара-Мурза, один из крупнейших теоретиков советского консерватизма, признаёт, что марксизм сыграл значительную роль в формировании российского революционного движения, однако подчёркивает, что учение Маркса оказалось плохо применимо к российским реалиям, и чуждо, в конечном счете, для советской цивилизации, возникшей не благодаря, а вопреки марксистской теории [9, с. 152].

С самого начала своей деятельности в российской оппозиции С. Г. Кара-Мурза не пытался синтезировать революционные и консервативные идеи, отрицая «троцкизм» [11, с. 109] и конструируя свой смысл советского строя, очищаемый данным автором как от левых тенденций, неуклонно слабеющих после Октябрьской революции, так и от марксистской риторики, маскирующей советскую идеологию, сформировавшуюся и разложившуюся в процессе советской истории. С. Г. Кара-Мурза, как консерватор, положительно трактует отход от революционных тенденций, имевший место в действительности, усматривая причины краха советского проекта в отступлении от традиционных ценностей, встроившихся в советскую идеологию и во многом сформировавших её. Если следовать марксистскому определению, то в России после победы социалистической революции не произошло преодоления идеологии, наоборот, сформировалась советская идеология, которая неизбежно приобрела консервативные черты. После крушения СССР появился советский консерватизм, уже очищенный от марксистской риторики и переосмысливающий советский период в истории России в неоромантическом ключе, следуя традиции славянофилов и других российских консерваторов.

Евразийство возникло в среде российской эмиграции как реакция на приход к власти большевиков, и обозначило собой обоснование и развитие идеи общности исторических судеб России и тюркских народов, а также монголов, подчёркивание цивилизационной близости России и Монгольской империи, Золотой Орды. Россия у евразийцев выступает не только как славянская страна и преемница Византии, но и носительница особого «духа степи» [5, с. 46]. Современные евразийцы, основным идеологом которых является А. Г. Дугин, предлагают свой проект российской идеологии, во многом основанный на мистицизме, который завуалирован геополитикой, но в основе своей опирается на понятия первых евразийцев. Что касается экономики, то А. Г. Дугин выдвигает идею «экономического плюрализма и многоукладности»: «евразийство предлагает собственное экономическое

учение, отличное как от либерализма, так и от марксизма. Обычно в отношении подобной теории принято использовать определения «третий путь», «экономика третьего пути» [19, с. 50].

Анализируя направления в современном российском консерватизме, можно выделить их общие черты. В первую очередь это цивилизационный подход и рассмотрение СССР как периода в существовании определённой цивилизации. Различия между Западом и Россией, согласно всем трём направлениям, имеют фундаментальный характер и не могут быть преодолены во многих сферах, в первую очередь – на культурном уровне. Например, С. Г. Кара-Мурза так отзывается о различии интерпретаций теории эволюции Дарвина западными и российскими учёными: «В своих комментариях русские учёные предупреждали, что это английская теория, которая вдохновляется политэкономическими концепциями либеральной буржуазии. Произошла адаптация дарвинизма к русской культурной среде («Дарвин без Мальтуса»), так что концепция межвидовой борьбы за существование была дополнена, а порой и заменена теорией межвидовой взаимопомощи» [8, с. 13].

В. В. Кожин также рассматривает СССР как этап в развитии евразийской цивилизации, и чётко разделяет Европу, в том числе и западных славян, православных, от России: «Сталин, очевидно, не осознавал бесперспективность вовлечения в геополитическое поле России-Евразии оккупированных в ходе войны стран Восточной Европы. Сам по себе тот факт, что эти страны в результате Победы оказались под контролем СССР, был естествен и, в сущности, неизбежен – что признавали позднее и некоторые способные к беспристрастному суждению западные историки. Но в геополитическом плане «присоединение» европейских стран к Евразии не имело сколько-нибудь надёжного будущего» [15, с. 277].

Следует также привести мнение С. Г. Кара-Мурзы о Л. Н. Гумилёве: «Тот, кто не склонен сразу же доверяться новоявленным идеологам, всегда может прочесть хотя бы книги Л. Н. Гумилёва, замечательные и как литературные произведения» [7, с. 39–40]. Таким образом, как имперские, так и советские консерваторы во многом разделяют идеологию евразийства, что даёт основания объединять по данному признаку эти три направления. Причём основой для сближения является не только цивилизационный подход, но и отношение консервативных идеологов к государству: сохранение традиционного для России, авторитарного типа государства представляется ими одной из высших ценностей. Рассмотренное явление можно обозначить как этатизм, присущий современным разновидностям российского консерватизма.

«Антиэтатизм» представителей экспертного сообщества в России является, согласно С. Г. Кара-Мурзе,

причиной многих политических и экономических проблем в современной России: «Долгое время, пока программа реформы выводилась из стратегической задачи «создания необратимости» в разрушении советской системы, выступления экспертов отличались радикальной антигосударственной направленностью. Инерция этого импульса ещё далеко не преодолена, и заложенные им стереотипы дорого обходятся обществу» [8, с. 191]. Особую роль государства С. Г. Кара-Мурза подчёркивает, говоря об образовании не только политических наций, но и этнических общностей: «Государство играет в этногенезе и «собираании» народов и наций исключительную роль. Это видно уже из того, какое значение имеют для этого процесса границы (даже не только государственные, а и административные, также устанавливаемые государственной властью)» [6, с. 163].

Как один из наиболее существенных недостатков современной политической ситуации в российском консерватизме выводится «нарушение всех иерархических отношений, и уничтожение традиций» [7, с. 153], которое «обосновывается в России необходимостью воспринять нормы «правильной» цивилизации Запада» [7, с. 153]. Консерваторами всех направлений подчёркивается пагубность уничтожения «идеократического» государства, что резко отличает их от революционеров-марксистов.

Консерваторы так описывают отношение особой евразийской цивилизации и парламентской демократии западного образца: «Что же мы видим сегодня в России, разрушаемой в соответствии с мифами евроцентризма? Устранение не только социальных, но и глубинных культурных и психологических оснований власти, которая в России всегда легитимировалась не технологической эффективностью, а моральными ценностями – идеями любви и справедливости (чему совершенно не противоречат вспышки жестокости, которым бывают подвержены и отец, и царь, и кухарка). И в то же время России не дали вырастить ни ту форму демократии, к которой она совершенно очевидно и быстро эволюционировала (сравните ряд Сталин – Хрущёв – Брежнев), ни ту, которая стала нарождаться в травмах перестройки – парламентскую, но сугубо российскую. Ей навязывают совсем уж несусветную модель технократического «государства принятия решений»» [7, с. 164]. Универсальная парламентская демократия у современных российских консерваторов заменяется особыми формами «народовластия», которые можно было бы обобщённо назвать «патриархальной» демократией, основанной на нравственных принципах, понимаемых достаточно абстрактно.

Для советских консерваторов характерно отрицание своей приверженности какой-либо идеологии: «для понимания смысла государственного строительства

в России после Октября 1917 года надо хотя бы на время отвлечься от идеологических оценок. Особенно искажает реальность рассмотрение истории Советского государства и права через идеологический фильтр евроцентризма. Через него всё видится неправильным, а часто и необъяснимым. Поневоле приходится прибегать к вульгарному психоанализу, сводя дело к комплексам и психическим отклонениям «тиранов» или мистическим тайнам «русской души». Напротив, в свете теории современного и традиционного общества история Советского государства и права укладывается в рациональные рассуждения, приводящие к логичным выводам» [12, с. 405]. Однако советские консерваторы одновременно подчёркивают «идеократический» характер СССР, и увязывают негативные последствия разрушения СССР с крушением «идеократии». Данная черта окончательно отделяет советских консерваторов от левых политических движений. При отказе от марксизма, образуется идеологическая пустота, которая заполняется затем евразийским учением, подобно тому, как идея объединения бывших советских республик воплощается в создании Евразийского Союза.

Имперский консерватизм солидарен с советским не только в приверженности этатизму и принятии глубинных различий между цивилизациями России и Запада, но и в признании «идеократизма» неотъемлемой чертой евразийской цивилизации: «Победа Октября над Временным правительством и над возглавляемой «людьми Февраля» Белой армией была неизбежна, в частности, потому, что большевики создавали именно идеократическую государственность, и это, в конечном счёте, соответствовало тысячелетнему историческому пути России. Ясно, что большевики вначале и не помыслили о подобном «соответствии» и что их «властвующая идея» не имела ничего общего с предшествующей. И для сторонников прежнего порядка была, разумеется, абсолютно неприемлема «замена» православия верой в Коммунизм, самодержавия – диктатурой ЦК и ВЧК, народности, которая (как осознавали наиболее глубокие идеологи) включала в себя дух «всечеловечности», – интернационализмом, то есть чем-то пребывающим между (интер) нациями. Однако «идеократизм» большевиков всё же являл собой, так сказать, менее утопическую программу, чем проект героев Февраля, предполагавший переделку России – то есть и самого русского народа – по западноевропейскому образцу» [14, с. 220].

Российские националистически ориентированные движения, многие из которых являются радикальными по своей сути, нацеленными непосредственно на политическое действие, следует отделять от мыслителей, разработавших консервативную идеологию. Радикальные движения, непосредственно участвующие в политике и активно протестующие против существующего

государства, требуют отдельного рассмотрения, их затруднительно определить как «консервативные» из-за присущего российским консерваторам этатизма. После крушения СССР стало возможным такое уникальное явление, как советский консерватизм, и в то же время для осуществления любого традиционалистского проекта, противостоящего существующему государству, стали необходимы не только захват государственной власти, но и коренные изменения в обществе. Советский период обозначил радикальный переворот в жизни основной части населения России, связанный с отходом от ценностей традиционного общества. Подлинное возвращение к ним представляется в данный момент весьма трудновыполнимым. Представителей движений, выступающих за традиционные ценности, и одновременно противопоставляющих себя современному российскому государству, можно обозначить либо как националистов, либо как традиционалистов, в зависимости от их идеологии. «Консерваторами» при данной терминологии можно называть идеологов, политических акторов, полностью или с оговорками поддерживающих современную российскую власть.

Позиция С. Г. Кара-Мурзы, утверждавшего в 2007 году, что В. В. Путин – это лидер-символ, который может заговорить «как командир» [10], то есть начать осуществление разработанных советскими консерваторами концепций, характерна не только для представителей советского консерватизма, но и для других российских консерваторов, каждый из которых предлагает власти свой проект. Дискурс российской власти отчасти соответствовал этим ожиданиям: так, в 2009 году лидер партии «Единая Россия» Б. В. Грызлов обозначил её идеологию как «российский консерватизм» [1]. Тем не менее, в дальнейшем представители российской власти продолжили осуществлять политику, опирающуюся на прагматизм, так как осуществление того или иного консервативного проекта повредило бы либеральным элементам в политическом имидже В. В. Путина и пошатнуло бы его позиции как «общенационального символа» [10].

Общей чертой современных консерваторов является осуждение либеральных элементов в идеологии современной российской элиты. А. Г. Дугин, так определяет негативные, по его мнению, моменты в политическом курсе российской власти: «Что мы видим в случае Путина? Есть ли признаки резонанса с этой сакральной стороной русской державности? Нет. Даже в отдалённом приближении. Концепт государственности у Путина совершенно европейский и полностью соответствует принципу государства-нации (Etat-Nation). Совершенно очевидно, что для Путина имеют значение только формальные стороны Государства; всего остального он либо не знает вообще, либо не придаёт значения. Государство для

него – технический конструкт» [3]. Таким образом, А. Г. Дугин видит слабые стороны власти в отказе от «идеократической» модели и следованию принципам «реальной политики», которая в данный момент выступает как основа российской государственной идеологии. В этом заключается одно из основных отличий современного российского государства от Российской империи и СССР. А. Г. Дугин отмечает, что власть в России стала слишком «европейской»: «Везде мы видим только одно – технологии, прагматики, практики. Вот это как раз совершенно не по-русски, а скорее, по-европейски» [3].

В рамках данной экономической программы А. Г. Дугиным выдвигается явно утопическая в современных российских условиях идея перераспределения доходов, пересмотр итогов приватизации и отказ от неё в ключевых отраслях экономики. Напротив, политическое руководство Российской Федерации видит в евразийской интеграции в первую очередь залог экономической выгоды и политической стабильности на постсоветском пространстве, при сохранении сложившихся, оптимальных для политической и экономической элиты порядков, частично основанных на либеральных идеях в экономике [17].

Современные российские консерваторы видят противоречие между либерализмом в экономике и укреплением государства с позиции своих идеологий, но с точки зрения «реальной политики» власти никакого противоречия не существует. В развивающихся странах, стоящих на пути капиталистической модернизации, авторитаризм необходим для поддержания стабильности в политике и рыночной экономике, нормальное функционирование которой при других политических условиях невозможно. В качестве примера можно привести некоторые успешно модернизирующиеся азиатские государства, в частности, Сингапур, с руководством которого российская власть развивает сотрудничество и заявляет о готовности перенимать сингапурский опыт. Необходимость стабильности, обеспечивающей авторитаризм и умеренным консерватизмом, перекликается и спорит с концепцией Р. Дарендорфа, предостерегающей от крайних проявлений авторитаризма при модернизации, нужной для перехода к обществу с либеральными и рыночными ценностями. Р. Дарендорф так описывает модернизацию и переход к демократии: «Беспорядки не способствуют экономическому развитию, а политическая нестабильность вызывает страх. Благие попытки миновать долину слёз проваливаются. Общее настроение начинает колебаться, затем резко меняется» [2, с. 11–12]. Следует отметить, что сам по себе авторитаризм и сильное государство не может гарантировать модернизацию, для неё необходима определённая программа, которая будет использоваться властью не

только для популистской риторики, но и реализовываться на практике. С другой стороны, исторические условия, экономические и политические предпосылки делают неавторитарную модернизацию возможной для послевоенной Западной Европы или бывших сателлитов СССР в Восточной Европе, однако труднореализуемой для стран СНГ и государств третьего мира.

Таким образом, консерватизм в современной России делится на «консерватизм власти», или «государственный», и «консерватизм интеллектуалов», или «этатистский». Для государственного консерватизма характерна ориентация на «реальную политику», рассмотрение евразийства как основы для взаимовыгодной политической и экономической интеграции на постсоветском пространстве, для этатистского консерватизма характерна опора на идеологию, вобравшую в себя многие элементы евразийства, и стремление навязать эту идеологию власти. Наблюдение разрыва и точек соприкосновения идеологии консерваторов и «реальной политики» власти позволяет выявлять современную российскую государственную идеологию, построенную на попытках совмещения часто противоречащих друг другу элементов прагматизма и консерватизма, создавая идеологии на основе отрицания идеологии.

Литература:

1. Грызлов Б. В. Идеология стабильности [электронный ресурс]. URL: http://www.russia.ru/video/er_8223/ (дата обращения 12.01.2015)
2. Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы. М.: Росспэн, 2002. 288 с.
3. Дугин А. Г. Путин, которого мы потеряли? Критика сверху [электронный ресурс]. URL: <http://evrazia.org/article/1868> (дата обращения 12.01.2015)
4. Иглтон Т. Марксизм и литературная критика. М.: Свободное марксистское издательство, 2009. 112 с.
5. Исаев И. А. Евразийство: идеология государственности // Общественные науки и современность. 1994. № 5. С. 42–55 с.
6. Кара-Мурза С. Г. Демонтаж народа. М.: Алгоритм, 2007. 704 с.
7. Кара-Мурза С. Г. Евроцентризм – эдипов комплекс интеллигенции. М.: Эксмо, 2002. 256 с.
8. Кара-Мурза С. Г. Идеология и мать её наука. М.: Эксмо, 2002. 256 с.
9. Кара-Мурза С. Г. Маркс против русской революции. М.: Эксмо, Яуза, 2008. 320 с.
10. Кара-Мурза С. Г. Надежда на третий срок [электронный ресурс]. URL: <http://www.russ.ru/layout/set/print/pole/Nadezhda-na-tretij-srok> (дата обращения 12.01.2015)
11. Кара-Мурза С. Г. Оппозиция как теневая власть. М.: Алгоритм, 2006. 368 с.

Гурушкин П. Ю., Кетов А. Р.

12. Кара-Мурза С. Г. Советская цивилизация. От начала до великой победы. М.: Эксмо; Алгоритм, 2004. 640 с.
13. Кара-Мурза С. Г. Экспорт революции. Ющенко, Саакашвили... М.: Алгоритм, 2005. 528 с.
14. Кожин В. В. Россия. Век XX. (1901 – 1939). М.: Эксмо; Алгоритм, 2005. 448 с.
15. Кожин В. В. Россия. Век XX. (1939–1964). М.: Эксмо; Алгоритм, 2005. 448 с.
16. Маркс К. и Энгельс Ф. Избранные произведения в 3-х томах. Т. 1. М.: Политиздат, 1970. 640 с.
17. Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня [электронный ресурс]. URL: <http://izvestia.ru/news/502761> (дата обращения 12.01.2015)
18. Почему Путин цитирует философа Ильина? [электронный ресурс]. URL: <http://www.kp.ru/daily/24321/513782/> (дата обращения 12.01.2015)
19. Программа политической партии «Евразия»/ под ред. А. Г. Дугина, В. М. Коровина. М.: «Арктогея-Центр», 2012. 84 с.
20. Проханов А. А. Сейчас рождается Пятая империя [электронный ресурс]. URL: <http://vz.ru/politics/2012/8/23/594683.html> (дата обращения 12.01.2015)
21. Тростников В. Н. Красно-коричневые – ярлык или реальность? [электронный ресурс]. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1994/10/izred.html (дата обращения 12.01.2015)
22. Философия победы. Репортаж с первого заседания Изборского клуба [электронный ресурс]. URL: <http://www.zavtra.ru/content/view/filosofiya-pobdyi/> (дата обращения 12.01.2015)
5. Isaev I. A. Eurasianism: the ideology of statehood // Obshchestvennye nauki i sovremennost. 1994. № 5. P. 42–55 p.
6. Kara-Murza S. G. Removing people. M.: Algoritm, 2007. 704 p.
7. Kara-Murza S. G. Eurocentrism – the Oedipus complex of intellectuals. M.: Eksmo, 2002. 256 p.
8. Kara-Murza S. G. Ideology and its mother science. M.: Eksmo, 2002. 256 p.
9. Kara-Murza S. G. Marx against the Russian revolution. M.: Eksmo, Yauza, 2008. 320 p.
10. Kara-Murza S. G. Hope for the third term [e-resource]. URL: <http://www.russ.ru/layout/set/print/pole/Nadezhdana-tretij-srok> (date of access 12.01.2015)
11. Kara-Murza S. G. Opposition as shadow power. M.: Algoritm, 2006. 368 p.
12. Kara-Murza S. G. Soviet civilization. From the beginning to the great victory. M.: Eksmo; Algoritm, 2004. 640 p.
13. Kara-Murza S. G. Export of revolution. Yushchenko, Saakashvili ... M.: Algoritm, 2005. 528 p.
14. Kozhinov V. V. Russia. Century XX. (1901–1939). M.: Eksmo; Algoritm, 2005. 448 p.
15. Kozhinov V. V. Russia. Century XX. (1939–1964). M.: Eksmo; Algoritm, 2005. 448 p.
16. Marx K. and Engels F. Selected works in 3 volumes. V.1. M.: Politizdat, 1970. 640 p.
17. A new integration project for Eurasia – future that is born today [e-resource]. URL: <http://izvestia.ru/news/502761> (date of access 12.01.2015)
18. Why does Putin quote philosopher Ilyin? [e-resource]. URL: <http://www.kp.ru/daily/24321/513782/> (date of access 12.01.2015)
19. The program of the “Eurasia” political party / ed. by A. G. Dugin, V. M. Korovin. M.: “Arktogeya-Centr”, 2012. 84 p.
20. Prokhanov A. A. Now comes the Fifth Empire [e-resource]. URL: <http://vz.ru/politics/2012/8/23/594683.html> (date of access 12.01.2015)
21. Trostnikov V. N. The Red-Browns – catchphrase or reality? [e-resource]. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1994/10/izred.html (date of access 12.01.2015)
22. The philosophy of victory. Report from the first meeting of Izborsk club [e-resource]. URL: <http://www.zavtra.ru/content/view/filosofiya-pobdyi/> (date of access 12.01.2015)

References: